

25 июля 1985 г. 4

В согласии с собой

Передача эта хороша прежде всего тем, что слова, которые в ней звучат, тут же наглядно подтверждаются. Вот, например, Орест Верейский говорит о том, что художественная его работа началась с войны, и хотя известно, что рисунки его для ленинградских журналов и газет появились уже в 35-м, и было их немало, и иллюстрации к книгам тоже были, но ни того, ни другого мы на экране не увидим. Просто услышим, что это были первые попытки применить свой труд к жизни, и поймем и поверим, что в словах этих нет ни самоумаления, ни кокетства.

Верейский мог так сказать и сказал не оттого, что теперь, по прошествии лет, понял, что в те годы как художник лишь складывался. Началась Великая Отечественная, и с начала ее и до конца он был ее солдатом, и жизнь и труд обрели для него не просто особую цену, но смысл их открылся иначе. Что это так, мы воочию видим и к тому, что показывают, мысленно добавляем то, что запомнилось раньше. И «Автоматы» добавляем из книги «Лицо врага», и автоматами предстают тут люди — безглазые солдаты, которые вот сейчас, на наших глазах, убьют безоружного старика. И зимний «Смоленск, 1943 год» тоже добавляем — голое дерево со сломанными ветвями так же выразительно, как мог быть выразителен взорванный дом. И черно-белые «Эшелоны» встают в памяти — в их плотной, тяжелой массе сила и предостережение.

А на экране — Теркин. Один, два, три, десяток набросков к Теркину, пока, наконец, в одном счастливо найденном портрете не соединятся все те черты, которые едва ли не каждому позволят сказать: точно такой. Мы узнали его. И автор поэмы тоже своего героя «узнает» и примет.

Передача из цикла «Рассказы о художниках» — юбилейная. Телевидение показало ее в канун 70-летия народного художника СССР Ореста Георгиевича Верейского, счастливо избежав при этом опасностей, которые работы такого рода неизбежно подстерегают. Ведущий, будь он, наверняка бы заметил, как талантлив юбиляр, какие прекрасные традиции продолжает и развивает, как много он сделал и еще сделает. Теперь эти слова произносим мы, зрители. Верейский же говорит о другом. О других. Если о фронтовых дорогах, то только потому, что проделал путь Теркина и мог с натуры рисовать места, где тот воевал. Если о том, что День Победы застал его около Кенигсберга, то тоже потому, что это был великий день для всех и каждый запомнил его по-своему и на всю оставшуюся жизнь. И еще оттого зашла речь о Кенигсберге, что заключительная глава «Василия Теркина» была начата Твардовским именно там, в ночь с девятого на десятое мая и «на глазах» воспоминателя.

В передаче несколько раз слышится слово «везение». Везение в том, что родился в семье художника и путь жизни был этим предопределен. Можно согласиться — предопределен, но ведь не само собой, не по мановению волшебной палочки сделалось все дальнейшее, не правда ли? Однако привычных рассуждений о тяготах труда и творчества мы не услышим. Зато увидим рисунки — множество — и волей-неволей поймем, догадаемся, что было прибавлено к везению самим художником.

Но не о пользе трудолюбия и не о преимуществах знания, способного направить и укрепить дарование, свидетельствует передача, хотя и об этом она свидетельствует тоже. Нам открылось или приоткрылось, как на чей взгляд, куда более дорогое. Соответствие личности художника его таланту.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.